

УДК 323.1:81'272(045)

*А.М. Тюленёва***ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ:
ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО УТОЧНЕНИЯ**

В статье предпринята попытка концептуального уточнения понятий «языковая политика» и «языковая идеология». Языковую идеологию предлагается рассматривать как набор представлений и убеждений членов этноязыковой группы о статусе и престижности своего языка и языка(-ов) других групп. Цель статьи – концептуально уточнить понятие языковой идеологии как релевантное для объяснений природы активности агентов изменений, а также представить теоретическое объяснение связи языковой идеологии с языковой политикой. Методы – теоретический анализ. Проанализированные теоретические подходы позволили установить взаимосвязь между реализуемой языковой политикой и языковой идеологией, которая выступает в качестве фактора, который поддерживает и/или нет реализацию конкретной модели языковой политики. Представления носителей этноязыковой группы, которые лежат в основе сформированной языковой идеологией формируют языковое пространство, в рамках которого и реализуется языковая политика. То, насколько представители этноязыковой группы заинтересованы в продвижении своего языка, продвигают ли они свой запрос (сами или посредством партий, НКО), воспринимают ли они себя как отличную от доминирующей этноязыковой группы на основе этнической и языковой принадлежности, влияет то, какие меры предпринимает государство в отношении защиты и поддержки языка(-ов) в обществе.

Ключевые слова: языковая политика, языковая идеология, концептуализация понятия, агентские факторы, структурные факторы, контекстуальные факторы.

DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-1-120-127

Тюленёва А.М. Языковая политика и языковая идеология: попытка концептуального уточнения // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 1. С. 120–127. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-1-120-127>

Введение

Язык является не только средством коммуникации, но и маркером принадлежности индивида к определенной этноязыковой группе. Такое видение функций языка дает возможность обсуждать языковую политику как систему мер, направленных на консолидацию и интеграцию общества. В случае фрагментированных в этноязыковом отношении государств языковая политика направлена на обеспечение существования разных этноязыковых групп. Так, например, в Швейцарии на государственном уровне признаны и используются немецкий, французский и итальянский, носители которых проживают в разных ее кантонах [1]. Законодательное признание этих языков в качестве государственных сопряжено с политико-институциональным устройством страны – Швейцария является этнической федерацией. М.Х. Фарукшин, обсуждая этнофедерализм, ссылается на Р. Шертзера, который отмечает, что институционализация этнической федерации «позволяет достигнуть компромисса между потребностью в территориальной целостности государства и устремлениями этнонациональных групп к определенной автономии и самоопределению» [2, с. 92]. Однако более сложной ситуация может развиваться в полиэтнических странах с унитарным устройством, таких, как, например, Великобритания. Правительство Великобритании на протяжении долгого времени проводило в отношении, например, валлийской культуры и языка дискриминационную политику, повсеместно насаждая английский язык и демонизируя валлийский, что способствовало формированию в валлийском сообществе представление о себе как о периферии. Вместе с тем стремление противостоять проводившейся дискриминационной политике Лондона и желание опровергнуть тезис о том, что валлийский – это язык глупцов, невежд и маргиналов, способствовали появлению запроса у местного населения на защиту своего языка. В качестве основных акторов борьбы за валлийский язык выступили университетские преподаватели, писатели, издатели и священнослужители, Лига молодежи Уэльса (организованная в 1922 году) [3, с. 237–243]. Осуждения действий британского правительства по отношению к проводимой им языковой политике способствовали подъему и осознанию среди простых граждан ценности общаться на валлийском языке. Постепенно Лондон был вынужден пойти на уступки: в 1967 г. был принят акт о возможности использования

валлийского языка в системе судопроизводства, 1967 год – акт об использовании валлийского языка в публично-правовом пространстве [4, с. 84–85], а 1993 год ознаменовался принятием закона о валлийском языке (уравнивал валлийский и английский языки в Уэльсе) [5]. Следует подчеркнуть, что продвижение Уэльса в деле защиты регионального языка по сути предшествовало деволюционным процессам, запустившим в конце 1990-х гг. регионализацию Соединенного Королевства.

Эти и другие примеры демонстрируют, что решения о принятии и реализации конкретных мер в отношении миноритарного(-ых) языка(-ов) принимаются государством. В случае Швейцарии реализуется позитивная модель языковой политики, учитывающая территориальное размещение представителей этноязыковых групп, их численность, в результате чего оказывается возможным функционирование нескольких языков в одном федеративном государстве. В случае Уэльса дискриминационная языковая политика британского правительства под влиянием требований валлийцев претерпела значительные изменения во второй половине XX в. И именно пример Уэльса показывает, важное значение имеет наличие в обществе запроса на реформы.

Между тем анализ исследовательской литературы показывает, что государство при реализации языковой политики в первую очередь учитывает фактор численности этноязыковой группы и ее территориальную локализацию. Так, Э. Лю в своих работах «Демократия и признание меньшинств: тирания большинства и условные эффекты размера группы», «Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов» выявляет взаимосвязь между размером языковой группы и признанием ею прав на использование языка, а также фиксирует установления языкового режима в зависимости от количества и природы признанных в обществе языков [6, р. 544–565]. Иными словами, автор обсуждает значимость структурного фактора для характера и результатов языковой политики. Пример Уэльса свидетельствует о том, что размер доли группы и ее локализация хотя и играют важную роль, но едва ли являются исключительными факторами, определившими смену языковой политики и последующие изменения языковой ситуации и языковой политики. В свою очередь, Л. Кардинал и С. Зоннтаг акцентируют внимание на необходимости учета сложившейся практики и исторических детерминант при выборе модели языковой политики [7, р. 5–21]. Помимо учета практики государственной традиции при выборе модели языковой политики могут рассматриваться факторы, которые лежат в основе принятых индивидами решений о возможности и/или нет использовать родной язык. М. Газолла, Т. Темлин и Б. Викстром в работе «Языковая политика и языковая справедливость» отметили, что оценка языковой политики может включать в себя учет экономического фактора [8]. Они использовали понятие экономии языка для оценки выгод и затрат языковой идеологии. В данном случае подразумевается, что индивид вынужден анализировать выгоды и затраты на использование своего родного языка, тогда как в обществе используется другой язык. Это приводит к тому, что индивиды отказываются от использования родного языка в пользу доминирующего языка на основании того, что он более престижный, поскольку позволит найти более высокооплачиваемую работу и др.

Приведенный выше пример Уэльса демонстрирует, что изменения политики в отношении языка, его статуса и прав его носителей, прежде всего, произошло в результате оформления запроса родительских комитетов, религиозных организаций и интеллектуалов Уэльса, выступивших в качестве агентов изменений. В связи с этим возникает необходимость в концептуализации роли агентского фактора для языковой политики. Для этого в данной статье предлагается концептуально уточнить понятие языковой идеологии как релевантное для объяснений природы активности агентов изменений, а также представить теоретическое объяснение связи языковой идеологии с языковой политикой.

Методологические основы теоретического анализа

Научные дискуссии об агентских факторах связаны, в первую очередь, с концептуализацией понятия языковая политика. В исследовательской литературе широко распространено понимание языковой политики как системы мер и действий, направленных на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Так, А. Каневский в работе «Языковая политика как вид национальной политики государства» отмечает, что понятие языковой политики подвержено дихотомии [9, с. 47]. Он пишет, в частности, языковая политика может определяться как «особое отношение языка и политики, в котором язык выступает в качестве орудия и объекта политики» [Там же, с. 47]. В этом определении язык выступает в качестве средства борьбы за власть. Другое определение языковой политики, выделяемое А. Каневским, связывает ее с функционированием государства: «разновидность политики, которая проводится государством в отношении самого языка» (Там

же, с. 48). А. Каневский настаивает на том, что языковую политику необходимо рассматривать как вид государственной политики, которая определяет нормативно-правовую систему мер, применяемых государством для стимулирования, развития языковых процессов и устанавливает формы политико-правового контроля над положением языков в государстве.

В качестве ведущего актора по реализации языковой политики исследователи, как правило, называют государство. Безусловно, реализация мер в отношении языка должна согласоваться с целями и задачи национальной политики. Однако возможно и другое представление об акторном (агентском) составе языковой политики. Так, А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский определяют языковую политику как систему мер, принимаемых государством, партией, классом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляемых лингвистических норм [10, с. 110–111]. В. Клоков разделяя точку зрения Швейцера и Никольского, характеризует языковую политику как «осознанное и целенаправленное воздействие на функциональную и структурную области языка со стороны официальных и неофициальных лиц, общественных организаций, партий, правительств, классов» [11, с. 92].

Н.В. Борисова в диссертационном исследовании «Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных полигиях» указывает на необходимость учета влияния агентских факторов на языковую политику [12]. Она отмечает, что, оставляя за государством позицию доминирующего субъекта языковой политики, следует «различать центральную и региональную и даже местную власти, позиции и интересы которых далеко не всегда едины в отношении тех или иных вопросов» (Там же, с. 44). Такое различие позволяет выделять и аналитически учитывать их нередко несовпадающие позиции по вопросу о статусе языка, а также несовпадающие и даже конфликтогенные интересы его носителей. Н.В. Борисова справедливо указывает на то, что «содержание принимаемых в отношении языка решений, содержание программ, направленных на обеспечение витальности языка и его защиты, могут определять и нередко определяют негосударственные акторы (партии, движения, ученые, эксперты, НКО), для которых эти вопросы оказываются политически значимыми по разным причинам» (Там же, с. 45). Она также отмечает, что расширительный взгляд на субъектный состав языковой политики позволяет понимать ее «не только как решение и набор мер, реализующих его, а шире, допуская такие фазы политического процесса, как борьба за повестку, артикуляция интересов, их агрегация и лоббирование, согласование т. п.» (Там же, с. 45). Такое видение языковой политики – и как *policy*, и как *politics*, Н.В. Борисова заимствует у Н.М. Мухарямова, который пишет, что языковая политика (*language policy*) предполагает реализацию конкретного курса, а политика языка (*language politics*) представляет собой некую область, в рамках которой происходит взаимодействие между акторами [13, с. 677–684].

Какой бывает языковая политика? Существуют разнообразные попытки классификация языковой политики. Так, А.А. Каневский предлагает классификацию языковой политики, в основе которой два критерия: способ реализации и характер осуществления [9, с. 47–48]. Способ реализации языковой политики подразумевает, что она заключает в себе конкретную функцию. Например, политико-правовая языковая политика устанавливает формы политико-правового контроля над языковой ситуацией в обществе. С точки зрения характера осуществления власти, позитивная языковая политика направлена на включение языков доминирующей и миноритарных этноязыковых групп в языковое пространство (например, языковая ситуация в Швейцарии и Российской Федерации); негативная приводит к доминированию только языка доминирующей этноязыковой группы (языковая ситуация во Франции – французский как единственный государственный язык). Выделение централизованной и децентрализованной языковых политик обусловлено функционирующим в обществе административно-территориальным устройством и характеризует разделение полномочий между центром и регионами.

Рассмотрение языковой политики только с точки зрения ее деления на позитивную и негативную или конструктивную и деструктивную не отвечает требованию рассмотрения данного феномена как комплексного. Попытка преодоления двойственности при классификации языковой политики была предпринята еще в конце 1970-х годов Х. Клоссом. Он предложил схему классификации языковой политики, которая включает в себя четыре ее разновидности: 1) политика, направленная на развитие и продвижение языка, которая, например, дает языку миноритарной этноязыковой группы официальный статус; 2) языковая политика невмешательства, которая предполагает отсутствие со стороны государства действий в отношении признания языка автохтонного населения; 3) ограничивающая языковая политика, предполагающая предоставление предпочтений языку доминирующей этноязыковой группы

в публично-правовом пространстве страны; 4) запретительная языковая политика, которая, в сущности, носит дискриминационный характер по отношению ко всем языкам, не обладающим статусом государственного [14].

С точки зрения социолингвистики в качестве основания для рассмотрения вопроса о языковой ситуации следует учитывать не только количество языков, но и наличие языковых подсистем и их функциональную принадлежность. В связи с этим Х. Клосс предлагает различать модели национального одноязычия, двуязычия (билингвизм) и «многоязычия» [14]. Так, модель национального билингвизма предполагает функционирование в обществе нескольких языков, которые в одинаковой степени используются представителями этноязыковых групп в публично-правовом пространстве. Противоположной ей является модель монолингвизма, ключевой характеристикой которой является присутствие в публично-правовом пространстве одного языка как имеющего статус государственного и, как правило, являющегося языком доминирующей этноязыковой группы). При этом язык миноритарной этноязыковой группы не признан и используется только в практиках межличностного общения на бытовом уровне. Третья модель – это модель национального «многоязычия». Она предполагает официальное признание и институционализированные практики функционального использования в публично-правовом пространстве более чем двух языков.

Представленные классификации языковой политики сфокусированы на количественных показателях: численность, территориальная локализация, количество языков. Учет только обозначенных факторов сосредоточивает, в первую очередь, внимание исследователей на выявлении и объяснении структурных факторов. Однако языковая политика – это не просто набор обезличенных мер, решения о реализации которых принимаются правительством государства. Она, так или иначе связана с ожиданием и оценкой ее членами общества, учитывает и нет запрос граждан о праве на родной язык. Последнее допущение предполагает, что языковая политика связана с восприятием статуса своего языка и языка других групп, а также языковых прав и возможностей в обществе. В современной социолингвистике для фиксации представлений носителей этноязыковой группы о статусе своего языка и возможностях его использования в качестве средства коммуникации используется понятие «языковая идеология». Следует отметить, что распространенные в (со-)обществе языковые идеологии, равно как и политические идеологии, морально и политически нагружены, поскольку явно или неявно представляют не только, оценку статуса языка, но и представления о его (статуса) изменении, а также тех возможностях, которые язык дает его носителям. Однако языковые идеологии касаются не только языка. Они, как пишет К. Вулард, устанавливают связи между языком и другими социальными явлениями, от вопросов идентичности (принадлежности к определенной этнической, гендерной, возрастной и другим группам), через концепции личности до таких понятий, как истина, универсальность, аутентичность [15, р. 235–239].

Понятие языковой идеологии до сих пор не имеет четко выработанного определения. Так, М. Сильверстейн указывает, что языковая идеология – это набор представлений о языке, сформулированных и используемых носителями для рационализации или оправдания воспринимаемой структуры языка [16, р. 193–247]. С. Хэт подчеркивает, что языковая идеология выполняет одну из важнейших функций – интегрирующую [17, р. 393–395]. Идеи, которые возникают и поддерживаются представителями языковой группы, способствуют их идентификации и самовыражению. Дж. Ирвин обозначает, что языковая идеология представляет собой систему представлений о социальных и языковых отношениях вместе с их моральным и политическим интересом [18, р. 35–84]. Он предлагает рассматривать данный феномен с точки зрения оказываемого на него влияния политических и моральных сил. Аспект влияния политических сил на формирование идеологии также отмечает и К. Вулард, полагая, что «языковая идеология является столь необходимым мостом между лингвистической и социальной теориями, поскольку она связывает микрокультуру коммуникативного действия с политическими и экономическими соображениями власти и вопросами социального неравенства, противостоя макросоциальным ограничениям, накладываемым на языковое поведение» [15, р. 235–239]. Представленные определения языковой идеологии демонстрируют нам, что данный феномен раскрывает социальную сущность собственных сообществу представлений о языке и его престижности, идеях о лингвистической и этнической принадлежности, занимаемом благодаря владению языком социальном статусе.

К. Вулард в своей статье «Языковая идеология» существующие подходы к интерпретации языковой идеологии [19, р. 9–11]. Он отмечает, что языковая идеология может рассматриваться как идейный или концептуальный феномен (репрезентации, представления, идеи о своем социальном статусе, характеристиках этнолингвистической группы). Такое видение языковой идеологии, пишет К. Вулард,

является наиболее распространенным и берет свое начало в период Великой французской революции. Иной взгляд на идеологию связан с пониманием ее как феномена, который выражается в интересах носителя языка, при этом социальный статус последнего определяет то, как он(-а) воспринимает язык и те возможности которые дает владением им. В связи с этим К. Вулард указывает на значимость наличия и/или отсутствия властного и / или экономического капитала, которые влияют на это восприятие. И наконец, языковая идеология, как и идеология вообще, связана с искажениями, иллюзиями, ментальными ошибками, мифами, которые распространены внутри сообществ и носят устойчивый характер.

Подходы к пониманию языковой идеологии, описанные К. Вулард, подтверждают, что данный феномен не имеет четкой концептуализации. В связи с тем, что обозначенные определения в разной степени подчеркивают характерные черты данного концепта, в данной работе под языковой идеологией предлагается понимать *набор представлений и убеждений членов этноязыковой группы о статусе и престижности своего языка и языка(-ов) других групп. Эти убеждения и представления, выступающие в качестве компонентов языковой идеологии, являются результатом процессов социализации и указывают на явные и скрытые предположения членов группы о связи их языка с их социальным опытом, политическими и экономическими интересами.* Таким образом, языковая идеология предопределяет как возможности прагматического отношения к возможностям / преградам использования языка(-ов) в сообществе, так и символически окрашивает и даже стимулирует политические действия, связанные с оспариванием их. Понятие языковой идеологии позволяет зафиксировать и описать представления членов этноязыковой группы относительно того, как они воспринимают свой язык, какое представление у них формируется относительно занимаемого им социального положения, какой статус получает их этноязыковая группа в обществе и др. Языковая идеология тем самым представляет собой не столько нормативные характеристики, каким должен быть язык, сколько формирует представления членов конкретной этноязыковой группы / сообщества о статусе их языка и его оценку, обуславливая тем самым возможность и реалистичность поддержки с их стороны языковой политики, силу запроса на ее изменение.

Результаты

Как связаны языковая политика и языковая идеология? Анализ теоретических подходов к исследованию языковой политики и концептуальное уточнение понятия языковая идеология позволяют сформулировать теоретическое объяснение связи языковой политики и языковой идеологии. Языковую политику следует рассматривать в процессном измерении, с одной стороны, а, с другой, определять в контексте языковой идеологии, которая, в свою очередь, выполняет амбивалентную для результатов языковой политики функцию – обеспечивает как ее поддержку, так и оспаривание в сообществе.

Учитывая, что языковая политика и языковая идеология могут рассматриваться во взаимозависимости, представляется возможным рассмотреть взаимосвязь данных явлений. Основываясь на идее М. Газоллы, Т. Темлина и Б. Викстрема об «экономии языка» можно представить следующую схему взаимовлияния языковой политики и языковой идеологии.

Взаимозависимость реализуемой модели языковой политики и существующей языковой идеологии

Использование языка как в частной жизни, так и в публичной сфере	Восприятие родного языка в качестве престижного	Использование языка преимущественно в частной жизни	Оценка родного языка в качестве непрестижного
Языковая идеология поддержки языкового режима		Языковая идеология воспрепятствования сложившемуся языковому режиму	
Реализация позитивной модели языковой политики		Реализация негативной модели языковой политики	

Представленная таблица фиксирует оценку представителями этноязыковой группы престижности/непрестижности использования родного языка не только в межличностном взаимодействии, но и употребления родного для них языка в публично-правовом пространстве. В случае, когда у этноязыковой группы отсутствует представление относительно ценности, престижности использования родного языка в публично-правовом пространстве, государство при принятии мер в рамках сложившейся

языковой ситуации будет принимать решение, учитывая структурные факторы (численность, территориальная локализация представителей этноязыковой группы). В этом случае реализация негативной модели языковой политики будет способствовать исключению языка миноритарной группы из языковой среды, что в совокупности с языковой идеологией «воспрепятствования» существующей модели языковой политики может привести к изменению языковой ситуации.

Противоположная модель (реализация позитивной языковой политики) фиксирует не только наличие запроса, но и высокий «спрос» представителей этноязыковой группы на использование, сохранение родного для них языка. Основными агентами, способствующими разработке и имплементации модели языковой политики, которая бы учитывала данные детерминанты, выступают те акторы, которые не имеют властных ресурсов.

Представленные модели позволяют прийти к следующим заключениям: языковая идеология, включающая в себя вопросы символического восприятия и убеждений о престижности языка членами этноязыковой группы, оказывает влияние на выбор модели языковой политики; в случае, если государство не учитывает запрос членов этноязыковой группы о необходимости изменения статуса их языка и при принятии мер основывается лишь на данных о численности и локализации представителей данной группы, это позволяет говорить о принятии и насаждении решений «сверху».

Заключение

Обозначенные в исследовательской литературе подходы к определению языковой политики, факторах, оказывающих влияние на выбор ее конкретной модели, а также назначение и выявление особенностей языковой идеологии позволяют нам прийти к заключению, что данные концепты не рассматривают во взаимосвязи. Так, языковая политика включает в себя не только совокупность мер и действий, но и учитывает особенности этноязыковых групп при их реализации. Однако в этом случае могут не учитываться требования миноритарных этноязыковых групп о необходимости защиты их языка, игнорироваться факт непринятия доминирующей этноязыковой группы языковой ситуации в обществе. Для преодоления данного факта предлагается рассматривать языковую идеологию как фактор, который способствует и/или нет реализации языковой политики.

Анализ компонентов языковой идеологии представителей этноязыковой группы позволит выявить наличие или отсутствие запроса на защиту или изменение статуса языка, обозначить восприятие носителей языка относительно престижности использования родного языка в публично-правовом пространстве, указать каким образом носители языка определяют свое социальное положение, основываясь на этнической и языковой принадлежности (принадлежность к доминирующей, титульной или миноритарной этноязыковым группам).

Это подчеркивает тот факт, что представления носителей этноязыковой группы, которые лежат в основе сформированной языковой идеологией формируют языковое пространство, в рамках которого и реализуется языковая политика. То, насколько представители этноязыковой группы заинтересованы в продвижении своего языка, продвигают ли они свой запрос (сами или посредством партий, НКО), воспринимают ли они себя как отличную от доминирующей этноязыковой группы на основе этнической и языковой принадлежности, влияет то, какие меры предпринимает государство в отношении защиты и поддержки языка(-ов) в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm (дата обращения: 31.07.2022).
2. Фарукшин М.Х. К методологии сравнительного исследования роли этнического фактора в федеративных системах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 2. С. 96–114.
3. Нечаева А. А. Языковая политика в системе школьного образования Уэльса как важнейший фактор поддержки валлийской идентичности // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 237–243.
4. Борисова Н. Борьба за язык в Уэльсе // Современная Европа. 2019. Т. 87, № 2. С. 84–95.
5. Welsh language act 1993. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents/data.htm> (дата обращения: 31.07.2022).
6. Liu A. Democracy and minority language recognition: Tyranny of the majority and the conditional effects of group size // Democratization. 2016. Vol. 24, № 3. P. 544–565. <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1245292>.

7. Sonntag S., Cardinal L. State traditions and language regimes: A historical institutionalism approach to language policy // *Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies*. 2015. Vol. 8, № 1. P. 5–21. <https://doi.org/10.1515/auseur-2015-0010>.
8. Gazzola M., Templin T., Wickström B. A. *Language Policy and Linguistic Justice: Economic, Philosophical, and Sociolinguistic Approaches*. 2021.
9. Каневский А. А. Языковая политика как вид национальной политики государства // *Философия права*. 2015. № 4. С. 48.
10. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социоллингвистику. М. 1978., С. 110–111.
11. Клоков В. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов, 1992. С. 92.
12. Борисова Н.В. Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных полициях: дис... канд. пол. наук. К., 2022. Борисова Надежда Владимировна. Казань, 2021.
13. Мухарямов Н. М. Политика языка и языковая политика // *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. ИС Семененко. 2017. С. 677–684.
14. Kloss H. *The American Bilingual Tradition* // Rowley, 1977.
15. Woolard K. A. Language ideology: Issues and approaches // *Pragmatics*. 1992. Vol. 2. № 3. P. 235–239.
16. Silverstein M. *Language Structure and Linguistic Ideology* // In *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels* / Ed. By Paul R. Clyne, William Hanks, and Carol L. Hofbauer, Chicago: Chicago Linguistic Society. 1979. P. 193–247.
17. Heath S.B. 1989. *Language Ideology* // In *International Encyclopedia of Communications* / Ed. By Erik Barnouw, New York: Oxford University Press. P. 393–395.
18. Irvin J.T., Gal S. *Language Ideology and Linguistic Differentiation* // In *Regimes of Language* / Ed. By P. Kroskrity, Santa Fe: School for American Research, 2000. P. 35–84.
19. Schieffelin B. B., Woolard K. A., Kroskrity P. V. *Language ideologies: Practice and theory* // Oxford University Press. 1998. Vol. 16. P. 9–11.

Поступила в редакцию 03.10.2022

Тюленёва Александра Михайловна, ассистент кафедры политических наук
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: tuleneva.aleksa@yandex.ru

A.M. Tyuleneva

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE IDEOLOGY: ATTEMPT TO CLARIFY THE CONCEPTS

DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-1-120-127

The article attempts to clarify the concepts of «language policy» and «language ideology». The language ideology is proposed to be considered as a set of ideas and beliefs of members of an ethno-linguistic group about the status and prestige of their language and the language(s) of other groups. The purpose of the article is to describe theoretical approaches and concepts that allow revealing the essence of language policy and language ideology. The method used in the work is theoretical analysis. The analyzed theoretical approaches made it possible to establish the relationship between the implemented language policy and the language ideology, which acts as a factor that supports or does not support the implementation of a specific model of language policy. The representations of the speakers of an ethno-linguistic group, which are the basis of the language ideology formed, form the language space which the language policy is implemented. The extent to which representatives of an ethno-linguistic group are interested in promoting their language, whether they promote their request (themselves or through parties, NGOs), whether they perceive themselves as different from the dominant ethno-linguistic group on the basis of ethnic and linguistic affiliation, affects what measures the state takes with respect to the protection and support of the language(s) in society.

Keywords: language policy, language ideology, conceptualization of the concept, agency factors, structural factors, contextual factors.

REFERENCES

1. Soyuznaya konstituciya Shvejcarskoj Konfederacii [Elektronnyj resurs] [Federal Constitution of the Swiss Confederation] [Electronic resource]. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm (дата обращения: 31.07.2022).

2. Farukshin M.H. K metodologii sravnitel'nogo issledovaniya roli etnicheskogo faktora v federativnyh sistemah. [On the methodology of comparative research of the role of the ethnic factor in Federal systems]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political expertise: POLITEX], 2011, vol. 7, no. 2, pp. 96-114. (In Russian).
3. Nechaeva A. A. Yazykovaya politika v sisteme shkol'nogo obrazovaniya Uel'sa kak vazhnejshij faktor podderzhki vallijskoj identichnosti [Language policy in the Welsh school system as the most important factor in supporting Welsh identity]. Istoriko-pedagogicheskie chteniya [Historical and pedagogical readings], 2019, no. 23, pp. 237-243. (In Russian).
4. Borisova N. Bor'ba za yazyk v Uel'se [The struggle for language in Wales]. Sovremennaya Evropa [Modern Europe], 2019, vol. 87, no. 2, pp. 84-95. (In Russian).
5. Welsh language act 1993 [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents/data.htm> (дата обращения: 31.07.2022).
6. Liu A. Democracy and minority language recognition: Tyranny of the majority and the conditional effects of group size // Democratization. 2016. Vol. 24, № 3. P. 544–565. <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1245292>.
7. Sonntag S., Cardinal L. State traditions and language regimes: A historical institutionalism approach to language policy // Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies. 2015. Vol. 8, № 1. P. 5–21. <https://doi.org/10.1515/auseur-2015-0010>.
8. Gazzola M., Templin T., Wickström B. A. Language Policy and Linguistic Justice: Economic, Philosophical, and Sociolinguistic Approaches. 2021.
9. Kanevskij A. A. YAzykovaya politika kak vid nacional'noj politiki gosudarstva [Language policy as a type of national policy of the state]. Filosofiya prava [Philosophy of Law], 2015, no. 4, 48 p. (In Russian).
10. SHvejcer A.D., Nikol'skij L.B. Vvedenie v sociolingvistiku [Introduction to Sociolinguistics]. M. [Moscow], 1978, pp. 110-111. (In Russian).
11. Klovov V. YAzykovaya politika vo frankoyazychnyh stranah Afriki [Language policy in French-speaking African countries]. Saratov, 1992, 92 p. (In Russian).
12. Borisova N.V. Faktory variativnosti yazykovoj politiki i yazykovyh rezhimov v slozhnoustroennyh politiyah: dis...kand.pol.nauk [Factors of variability of language policy and language regimes in complex politics: PhD in Political Sciences] - K., 2022. Borisova Nadezhda Vladimirovna [Kazan, 2022. Borisova Nadezhda Vladimirovna]; [Mesto zashchity: Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet>] [Place of protection: Kazan (Volga Region) Federal University]. - Kazan, 2021. (In Russian).
13. Muharyamov N. M. Politika yazyka i yazykovaya politika [Language policy and language policy]. Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition]. Otv. red. IS Semenenko [Responsible editor IS Semenenko], 2017, pp. 677-684. (In Russian).
14. Kloss H. The American Bilingual Tradition // Rowley, 1977.
15. Woolard K. A. Language ideology: Issues and approaches // Pragmatics. 1992. Vol. 2. № 3. P. 235-239.
16. Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology // In The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels / Ed. By Paul R. Clyne, William Hanks, and Carol L. Hofbauer, Chicago: Chicago Linguistic Society. 1979. P. 193–247.
17. Heath S.B. 1989. Language Ideology // In International Encyclopedia of Communications / Ed. By Erik Barnouw, New York: Oxford University Press. P. 393–395.
18. Irvin J.T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation // In Regimes of Language / Ed. By P. Kroskrity, Santa Fe: School for American Research. 2000. P. 35–84.
19. Schieffelin B. B., Woolard K. A., Kroskrity P. V. Language ideologies: Practice and theory // Oxford University Press/ 1998. Vol. 16. P. 9-11.

For citation:

Tyuleneva A.M. Language policy and language ideology: attempt to clarify the concepts // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2023. Vol. 7, iss. 1. P. 120–127. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-1-120-127> (In Russ.).

Received 03.10.2022

Tyuleneva A.M., Assistant at Department of Political Science
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990
E-mail: tuleneva.aleksa@yandex.ru